

Пандемия COVID-19 как форс-мажорное обстоятельство в международной торговле

Научный руководитель – Мыльникова Ирина Юрьевна

Ильясова Снежана Сергеевна

Студент (магистр)

Тюменский государственный университет, Институт государства и права, Тюмень,
Россия

E-mail: snezha804@mail.ru

Пандемия COVID-19 продолжает распространяться с бешеной скоростью по всему миру, заставляя все больше государств принимать беспрецедентные профилактические меры, в связи с чем многие международные коммерческие контракты становятся сложно или же невозможно исполнить.

В сложившейся обстановке среди контрагентов по внешнеторговым контрактам весьма волнующим является ответ на вопрос: «Следует ли рассматривать последствия, связанные с распространением коронавирусной инфекции, в качестве форс-мажорного обстоятельства?».

Положениями статьи 79 Венской Конвенции ООН 1980 года [1] закреплен перечень критериев, при одновременном наличии которых сторона освобождается от ответственности за неисполнение своих обязательств. Так, добросовестная сторона контракта обязана доказать следующее:

- 1) неисполнение обязательства было вызвано препятствием *вне её контроля*;
- 2) от неё нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении контракта (*критерий «непредвиденности»*);
- 3) препятствие или его последствия было невозможно избежать или преодолеть (*критерий «непреодолимости»*);
- 4) наличие *причинно-следственной связи* между неисполнением обязательства и препятствием или его последствиями;
- 5) другая сторона контракта *своевременно была извещена* о препятствии.

Арбитражная практика о признании последствий, связанных с распространением пандемии COVID-19, в частности государственных нормативных требований или действий государственных должностных лиц по противодействию распространения коронавирусной инфекции: закрытие государственных границ, запрет международных перевозок, запрет импорта и экспорта товаров, запрет осуществления деятельности форс-мажорными обстоятельствами в настоящее время ещё не сформирована, в открытом доступе не размещена. По этой причине далее следует проанализировать содержание уже имеющихся решений арбитражных органов по каждому из перечисленных выше критериев признания обстоятельств форс-мажором и сопоставить их с последствиями пандемии COVID-19.

На основании проведенного анализа арбитражной практики можно сделать вывод о том, что последствия, связанные с распространением пандемии COVID-19, подпадают под критерии:

1. Препятствия, находящегося вне контроля стороны, требующей освобождения от ответственности [2, 3, 4, 5], поскольку распространение коронавирусной инфекции и её последствия не зависят от воли сторон внешнеторгового контракта. Кроме того, в медицине пандемия определяется как эпидемия глобального масштаба. А эпидемия, как известно, входит в состав открытого перечня конкретных событий, относящихся к непреодолимой силе, закрепленного в «Оговорке о форс-мажоре» ICC [6];

2. «Непредвиденности» [7, 8], однако данный критерий будет иметь место, если в момент подписания контракта стороны не могли принять пандемию COVID-19 в расчёт в качестве возможного препятствия исполнению контрактных обязательств или же корона-вирусная инфекция и возможность принятия мер по противодействию её распространения на территории государства каждой из сторон ещё не существовали на момент заключения соглашения;

3. «Непреодолимости» [9], если сторона, требующая освобождения от ответственности, пыталась предпринять «коммерчески разумные усилия» или «коммерчески разумные альтернативы» [8], однако эти попытки никак не повлияли на возможность исполнения контрактных обязательств в полном объёме;

4. Наличие причинно-следственной связи [3], если неисполнение обязательства было связано только по причине государственных нормативных требований или действий государственных должностных лиц по противодействию распространения коронавирусной инфекции.

5. Своевременного уведомления другой стороны контракта о препятствии [8, 10], если сторона, требующая освобождения от ответственности, своевременно уведомила о причине форс-мажорных обстоятельств другую сторону.

Здесь же следует обратить внимание на арбитражную практику, которая выработала **шестой критерий**, наличие которого является неоспоримым доказательством признания того или иного обстоятельства форс-мажором. Данный критерий следует именовать *«указанием точной формулировки возможного препятствия в форс-мажорной оговорке контракта»* [11, 12].

Результаты исследования содержат конкретные рекомендации по включению контрагентами, прежде чем внешнеэкономический контракт будет подписан, в текст соглашения расширенную форс-мажорную оговорку, закрепляющую конкретные события, которые могут представлять собой форс-мажор, для предотвращения и смягчения обязательств в свете продолжающегося распространения пандемии COVID-19.

Источники и литература

- 1) Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 года) // Вестник ВАС РФ. 1994, № 1.
- 2) Решение МКАС при ТПП РФ по делу № 155/1996 от 22.01.1997 // <http://www.cisg.ru/dok/CISG-digest-2012-r.pdf> (Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву).
- 3) Решение Арбитражного суда при ТПП Болгарии по делу № 56/1995 от 24.04.1996 // <http://www.unilex.info/cisg/case/422> (База данных Unilex).
- 4) Решение МКАС при ТПП Украины в решении по делу № 218у/2011 от 23.01.2012 // <http://www.unilex.info/cisg/case/1876> (База данных Unilex).
- 5) Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ по делу № М-106/2017 от 17.05.2018 // СПС «КонсультантПлюс».
- 6) «Оговорка ICC 2003 о форс-мажоре. Оговорка ICC 2003 о затруднении» (Публикация Международной торговой палаты № 650), Н.Г. Вилкова и ICC Russia, перевод на русский язык (2011) // СПС «КонсультантПлюс».
- 7) Joseph M. Lookofsky. Understanding the CISG: A Compact Guide to the 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // 4th ed. Kluwer Law International. 2012, P. 134.
- 8) Giacomo Rojas Elgueta, Benedetta Mauro. 100 Years of Force Majeure in Pandemic Times // Paper Series. № 1. 2020, P. 14-15.

- 9) Решение Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии от 30.11.1997 // <https://cisgw3.law.pace.edu/cases/971130c1.html> (База данных ЮНСИТРАЛ).
- 10) Решение Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии по делу № 2002/17 от 04.02.2002 // База данных ЮНСИТРАЛ // <http://cisgw3.law.pace.edu/cases/020204c2.html>.
- 11) Решение МКАС при ТПП РФ по делу № 27/2009 от 06.08.2009 // СПС «КонсультантПлюс».
- 12) Решение МКАС при ТПП РФ по делу № 41/2013 от 11.12.2013 // СПС «КонсультантПлюс».